

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн

Пожарный

Серия «Киевские типы», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2471575

Аннотация

«„Слава и смелость лучшие ходатаи перед женщинами“, говорит Шекспир. Поэтому нет ничего удивительного, что „кавалерские“ фонды пожарного стоят на кухнях чрезвычайно высоко: трудно поверить но иногда даже не ниже фондов интендантского писаря, этого единогласно признанного, профессионального „тирана“ и „погубителя“ женских сердец, которому „только бы достигнуть своей цели“, чтобы потом „надсмеяться“ самым коварным образом...»

Содержание

Александр Иванович Куприн Пожарный

«Слава и смелость лучшие ходатаи перед женщинами», говорит Шекспир. Поэтому нет ничего удивительного, что «кавалерские» фонды пожарного стоят на кухнях чрезвычайно высоко: трудно поверить но иногда даже не ниже фондов интендантского писаря, этого единогласно признанного, профессионального «тирана» и «погубителя» женских сердец, которому «только бы достигнуть своей цели», чтобы потом «надсмеяться» самым коварным образом.

Да и трудно, чтобы слабое женское сердце не замерло в сладком испуге, когда среди глубокой ночи, с оглушительным грохотом, звоном и треском, мчится мимо окон бешеным карьером пожарный обоз. Кровавое пламя факелов колеблется высоко в воздухе над повозками и вспыхивает зловещим блеском на медных касках, венчающих темные, неподвижные фигуры пожарных, сохраняющих в этой бешеной скачке какое-то суровое, роковое спокойствие. И в этом спокойствии чувствуется привычная готовность ежедневно ставить свою жизнь на карту.

Положительно не ошибешься, если скажешь, что большинство пожарных служит не из нужды, а по призванию. Во всех классах общества есть пылкие, беспокойные головы, которых неудержимо привлекает все исключительное, выходящее из рамок обыденной серой жизни, все сопряженное с ежеминутной опасностью для жизни. Правда, и между пожарными находятся, как исключение, трусы и лентяи, но они недолго уживаются в этой среде и всегда служат мишенью для презрения и насмешек товарищей.

Наиболее смелый, вернее сказать отчаянный, ловкий и сильный пожарный назначается «трубником». Во время пожара он направляет, куда нужно, струю воды, держа в руках наконечник рукава. Отвага его поразительна. При мне однажды пожарные работали вокруг запертого сарая, набитого сеном, которое, по чьей-то неосторожности, загорелось. Во что бы то ни стало нужно было направить струю внутрь сарая. И вот один из трубников, с концом рукава в руках, бросается к дверям; быстро сбивши топором замок дверей, распахивает их настежь и в тот же миг исчезает в целой буре пламени, вырвавшегося из сарая. Товарищи не видят его, но наугад направляют струи воды в то место, где исчез трубник. Через несколько секунд пламя заметно утихает, и всем становится видно, как внутри сарая вьюном вьется трубник, вертя по всем

направлениям трубой. Наконец огонь совсем утихает. Из сарая валит только густой, черный дым. Трубник выходит на воздух весь черный, с волдырями на лице и руках, едва держащийся на ногах. Если вы спросите у пожарных, каким образом этот смельчак не задохся, вам ответят, что «он умеет подолгу задерживать дыхание».

У наиболее известных есть свои поклонники, почитатели среди тех зрителей, которые ни за что не пропустят ни одного пожара. Эти любители испытывают чувства несравненно более сильные, чем зрители боя быков в Испании. Яркий свет огня, жар, треск горящего дерева, запах дыма, суета, хриплый крик брандмейстера:

– «Лыбедская, ката-ай!» резкий топот испуганных и разгоряченных лошадей все это напрягает нервы зрителей до высочайшей степени. И когда появляется среди толпы пожарных любимый трубник, публика раздражается восторженными криками:

– Пророков! Пророков! Браво, Пророков! Визирь молодчинище! Валяй, визирь!

Пророков является всегда героем пожара. Он не теряет даром ни секунды. С озверевшим лицом, испуская каждую секунду страшнейшие ругательства, он бежит с рукавом в самый густой огонь. Горе какому-нибудь франту в цилиндре, самоотверженно явив-

шемуся «помогать», а иногда даже и «руководить», если он попадет под ноги Пророкову во время его стремительного бега. Он пустит ему в лицо (и это еще на хороший конец) такой ужасный заряд озлобленной ругани, что самоотверженный «руководитель» невольно отскочит далеко в сторону. И брандмейстеры и пристава знают хорошо характер трубника: они не рискнут сунуться к этому зверю с советами во время его героического экстаза, потому что для него нет тогда ни начальника, ни указчика. Опьяненный безумной скачкой, суетой, близостью опасности, чувствуя на себе глаза тысячной толпы, он впадает в то состояние, в которое впадали скандинавские «берсеркеры».

С пожара он нередко возвращается «на крючьях»¹.

В свободное время широкая натура трубника разгуливается совсем иным образом. Он пьян с утра до вечера² и во хмелю непременно вступает в кровопролитные баталии с людьми всякого чина и звания. Когда, после долгих усилий, удастся его завлечь в ближайший участок, он, после долгих и крупных объяснений со «стражей», валится камнем на нары и потом уже не показывает никаких признаков жизни.

¹ «на крючьях»: Раненых и убитых пожарных отвозят домой на той повозке, где помещаются крючья.

² «Он пьян с утра до вечера»: Трубники не дежурят ни на каланче, ни у казарменных ворот. (Прим. автора.)

Но полиция уже знает до тонкости его железную натуру. Чуть только прозвонил пожарный звонок и безжизненному трубнику крикнули на ухо «пожар» совершается мгновенное чудо. Труп оживает. Ни в лице его, ни в движениях нет и следа страшного опьянения. Застигиваясь по дороге, он бежит на пожарный двор, на бегу вскакивает на мчащуюся повозку и опять несется в огонь и опасность, прицепившись где-нибудь на подножке и высоко подпрыгивая на ямах и пригорках.

<1895>